

Space **f**actor

Space factor

Михаил Михеев

НА ЗАДВОРКАХ СОЛНЕЧНОЙ СИСТЕМЫ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
М69

Серия «Space factor»
Выпуск 8

Оформление обложки *Николая Плутахина*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

М69 **Михеев, Михаил Александрович**

На задворках Солнечной системы: роман / Михаил Михеев. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2017. — 352 с. (Space factor).

ISBN 978-5-17-983054-2

Людам всегда тесно, даже если к их услугам вся Солнечная система. Как бы много ни было места и ресурсов, всегда найдется страна, желающая, чтобы все это принадлежало ей одной. И таких стран может оказаться несколько.

Но что получится, если кто-то вырвется вперед и вот-вот уйдет в недосыгаемый отрыв? Все остальные тут же постараются осадить его и будут трогательно едины в своем порыве, ведь против кого-то дружить всегда проще. И начинаются шпионские игры, стрельба, интриги... Как выкрутиться из этого экипажу русского звездолета? Да очень просто. Идти вперед, держаться друг за друга и верить в свои силы. Если же в экипаже затесался враг — что ж, пусть ему будет хуже!

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-983054-2

© Михаил Михеев, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

Едва сгорает закат,
Но только вечер уйдёт,
И нам команда — «На старт!»
И нам команда — «Вперёд!»
Летит под окнами снег,
Летят секунды, как дни...
Замедли времени бег
И на бегу — позвони.

Алькор. Старт

2084 год. Орбита Земли. Где-то над Сибирью

В расчетах была допущена ошибка. Вместо того чтобы сменить орбиту, исследовательский модуль «Осирис» начал снижение, а попытка экстренно вмешаться только усугубила ситуацию. Один из маневровых двигателей решительно отказался работать и лишь выдал на пульт серию ярко-красных огоньков. Неисправность, причем непонятно где. Ничего удивительного — после того, как стали пользоваться украинскими комплектующими, надежность оборудования вызывала иногда смех, но чаще слезы. Вот и сейчас, даже не пытаясь штатно изменить курс, модуль раскрутило вокруг оси, и массивные баки с горючим от рывка перекосило. Слегка, ничего страшного, поправить — несколько часов работы. Беда в том, что у обитателей модуля не было и часа. Сорок минут, максимум, а потом ажурная трехсотметровая конструкция войдет в плотные слои атмосферы и сгорит. При таком угле падения до поверхности не долетят даже обломки.

★
★
Эдуарда Петрова, биолога и штатного врача модуля, авария застала в его лаборатории, где он, как и положено любому уважающему себя ученому его профиля, занимался издевательскими над крысами, водорослями и прочими дрозофилами. Первоначально он даже не почувствовал изменений, все же маневры в космосе весьма плавные, но когда орбитальную станцию закрутило, он живо сообразил, что дело серьезное.

Долго гадать, что же делать дальше, не пришлось — взвыли баззеры тревоги, и, дублируя их, голос командира рявкнул приказ следовать к спасательному модулю. Оставалось лишь аккуратно извлечь из зажима компьютер, в который Эдуард с первого дня пребывания на орбите скрупулезно вносил результаты экспериментов, и двигаться по указанному адресу. Сейчас, из-за вращения станции, это было достаточно сложно, однако биолог на орбите провел много времени и умел лихо перемещаться в невесомости. Отталкиваясь от стен, он шустро летел по коридорам, злорадствуя про себя, и у него были на то все основания — ведь пилотом и по совместительству командиром во всем, что не касалось науки, а следовательно, и виновником аварии, была его жена. У, самка собаки!

Тот, кто решил в свое время сэкономить на психологической подготовке экипажей, был редким идиотом. Решил, что лучше посылать на орбиту семейные пары — они, мол, и без того друг к другу притерты наглухо. Ага, щ-щас-с! Вы попробуйте год посидеть на орбите вдвоем, практически без связи с внешним миром. Без связи потому, что экономят даже на этой малости и все

разговоры, не касающиеся непосредственно работы, ограничены. Пять минут в неделю, и как хочешь — так и крутись. Немного спасали размеры модуля, дающие возможность уединиться, но все равно, за время полета друг другу они осточертели наглухо. Эдуард не мог дожидаться, когда этот ад кончится, и три дня, оставшиеся до возвращения на Землю, казались ему вечностью. Сейчас происшедшее выглядело чем-то вроде приятного дополнения — раньше дома будет, чего уж там.

Ирина, его жена, наверняка придерживалась того же мнения. Во всяком случае, в отношении его, Эдуарда. Если еще не хуже — биолог слышал, что она говорила о нем недавно своей матери, а та лишь поддакивала. У-у-у, стервы! Послушать их, так и динозавры вымерли только для того, чтоб такие, как Эдуард, не добрались до них с пробирками и пинцетами. Единственно, сейчас у Ирины настроение явно не фестивальное — все же, хотя маневрированием руководили из ЦУПа, непосредственным исполнителем была она. На нее и спишут аварию — все равно станция будет уничтожена, а с ней и все улики. Информацию же, что шла на планету, почти наверняка уже подтирают, дабы соответствовала официальной версии. Так что прости-прощай, военная карьера. Будешь дома сидеть, и то если повезет и не упекут куда подальше. Одна сидеть, потому что Эдуард был намерен развестись сразу после приземления.

Люк спасательной капсулы был открыт. Все правильно, Ирина добралась первой — ей и ближе, и в невесомости она лучше движется, чего уж там. Ловко оттолкнувшись от стены, Эдуард нырнул в узкую горловину и через секунду уже

застегивал ремни противоперегрузочного кресла. Уж что-что, а умение быстро залезать в капсулу ему вбили на уровне подкорки. К тому же эти капсулы нового поколения были чертовски удобны, в них не было нужды даже надевать скафандры. Раз, два, три — все, он готов!

Только сейчас Эдуард посмотрел на соседнее кресло, в котором уже со всеми удобствами расположилась его жена. Та даже не повернула головы, увлеченно щелкая клавишами на пульте. Красивая... Эх, была бы чужая — цены бы не было! Все, оставалось расслабиться и получать удовольствие.

Через пару минут Эдуард понял: что-то здесь не так. Они сидят в капсуле, но она и не думает отделяться. И это в тот момент, когда дорога каждая секунда! Лицо Ирины покрылось мелкими бисеринками пота, пальцы летают над клавиатурой, но пульт отзывается лишь перемигиванием разноцветных огней. Эдуард не был профессионалом, но кое-что он все же понимал — базовый курс подготовки проходил, экзамены сдавал, поэтому, отстегнув часть ремней, чтобы приподняться и лучше видеть, смог определить проблему. По всему выходило, что сигнал на стыковочный узел не проходит. У-у, ляпшие друзья со своими комплектующими. И что дальше?

Дальше — кирдык. Капсула бронированная, но она должна входить в атмосферу днищем вниз. Там броня и многослойная теплоизоляция. При ином угле входа — сгорит, как метеор. А с бултыхающейся станцией правильный вход невозможен... Черт! Черт! Черт!

Очевидно, эта же мысль пришла в голову и Ирине. Во всяком случае, она начала поспеш-

но отстегивать ремни, рывкнув на мужа, чтоб не мешал. Аварийный сброс можно было задействовать и вручную. Вот только — снаружи, и тот, кто отстыкует капсулу, останется в модуле и будет обречен. И это будет она, как командир. Ага, размечталась. Она погибнет — а ему, значит, до конца жизни мучиться угрызениями совести, ловить презрительные взгляды товарищей и знать, что не мужчина — женщина оказалась крепче него. У-у, инфузория в туфельках!

Ирина даже не поняла, что случилось. Кулак мужа ударил ее по затылку, погрузив в нирвану, а Эдуард, матерясь, начал выбираться из капсулы. Пять минут спустя он уже провожал ее взглядом. Потом усмехнулся и решительно направился в рубку — там был самый лучший обзор, а ему почему-то хотелось посмотреть на самый красивый рассвет в жизни. Его последний рассвет.

Два года спустя. Москва. Точное место не установлено

— Ну, Ирина Васильевна, как добрались?

— Благодарю вас, — высокая женщина лет тридцати, но с абсолютно седыми, коротко постриженными волосами, которые она даже не пыталась красить, одетая в гражданский брючный костюм, сидящий на ней как мундир, вежливо кивнула и бесстрастно посмотрела на собеседника. Тот невольно поежился — глаза женщины были абсолютно пустыми и бесстрастными. Так может смотреть оптический прицел — было дело, довелось в молодости столкнуться. Ощущения незабываемые.

— Очень рад, — слегка покривил он душой. Покривил потому, что предпочел бы вот прямо сейчас оказаться в кабинете один, а слегка — так ведь разговор этот все равно состоится. Раньше или позже — но состоится.

— Аналогично, — вновь кивок, сухой и бесстрастный.

— Я попросил вас зайти потому, что в свое время обещал сообщить результаты расследования.

— Я поняла, — женщина не пыталась вывести его из себя, но получалось это у нее все равно неплохо.

— Откуда же? — все же спросил он и тут же пожалел о заданном вопросе. Но слово — не воробей, вылетит — мало не покажется. В данном случае это означало, что придется лишний раз выслушивать ровный, ничего не выражающий голос собеседницы. Впрочем, она была лаконична.

— Потому что у вас вряд ли могут быть иные дела ко мне. Не тот уровень.

Уела, ничего не скажешь. Действительно, разный уровень, по идее, с его пригорка в ее болоте ни одну лягушку не разглядеть. И если бы не данное сгоряча когда-то слово...

— В общем, Ирина Васильевна, следствие подошло к концу. И пришло к выводу, что авария на вашем орбитальном модуле явилась следствием диверсии.

— Я знала это с самого начала.

— Что привело вас к таким выводам? — Этот живой компьютер уже начал его раздражать.

— Ну, хотя бы ошибка бортового навигационного компьютера. Так не ошибаются. Если

бы он был подключен к сети, я бы сказала, что это — вирусная атака. В данном случае это означает, что вирус был занесен в компьютер заранее и, если его не смогли обнаружить, значит, писавший его знал все системы защиты, причем изнутри. Есть и другие нюансы, но достаточно и этого.

Снова уела. А главное, она не старается это делать, просто констатирует факты. Ну что же, пускай будет так.

— Наши специалисты пришли к тому же выводу. И тоже увидели нюансы. Впрочем, что катастрофа, в которой погиб ваш муж, — диверсия, было ясно с самого начала. Взгляните.

Голографическое изображение, возникшее над столом, радовало четкостью изображения. Правда, это был не художественный фильм и не картинка интересного содержания. Просто список, не очень длинный. Женщина внимательно прочитала его, повернулась к собеседнику и все так же, без эмоций, поинтересовалась:

— Что это?

— Это? Это список происшествий, связанных между собой только одним-единственным звеном. Все лаборатории, конструкторские бюро и просто ученые работали на нашу космическую программу, на один и тот же проект. Ваш муж, Ирина Васильевна, потрошил крыс не потому, что ему это нравилось — он ставил эксперименты, целью которых была оптимизация работы систем жизнеобеспечения и защиты биологических организмов от солнечного ветра. Хотя, конечно, для чего он это делал, сам Эдуард Федорович посвящен не был.

— И все они погибли?

— Не все. Но в одних случаях — уничтожены результаты экспериментов, и их пришлось ставить заново. В других — руководитель мог, к примеру, угодить под машину и на пару месяцев загнать в больницу. В третьих погибали и лаборатория, и уникальное оборудование. Словом, диверсии и саботаж, затормозившие наши работы почти на год и стоившие немалых денег. Не так уж и мало, согласитесь. Дипломатия — это искусство делать гадости в белых перчатках, но иной раз приходится работать и золотарем. Судя по всему, сейчас именно такой случай. Дипломаты могут говорить что угодно, но спецслужбы действуют независимо от их слов.

— И... кто? Украина?

— С чего вы так решили? — удивление было неподдельным.

— Их оборудование славится ненадежностью, чаще всего выходит из строя и под это можно замаскировать что угодно.

— Гм... Вы предвзяты.

— Возможно...

Показалось, или маска бесстрастности на миг дала трещину?

— Мою бабушку вывозили когда-то в Россию под обстрелом. Ей было всего девять лет. А ее сестра тогда погибла — она закрыла ее собой.

— Понятно. Ваша семья умеет ненавидеть. Это хорошо. Однако сейчас — мимо. Эти лучшие друзья человека так боятся, что их снова изолируют... В общем, тотальная ненадежность — да, но это связано с утерянной ими культурой производства. Кстати, именно после вашего слу-

чая номенклатура поставок из этой страны была сильно сокращена.

— Я знаю.

— Однако круг заинтересованных лиц, — он усилием воли заставил себя не обращать внимания на ее слова, — все равно достаточно велик. Альянс, в первую очередь, они все пытаются достичь былой славы, но того факта, что им удалось сохранить за собой Северную Америку, считают для этого недостаточным. Вот и стараются всеми способами сократить отставание в космической гонке. Япония. У этих играет в заднице комплекс неполноценности. Британский Союз — то же самое. Европа... Ну, этим свои бы проблемы решить, но и их со счетов я бы скидывать не стал. Китай — после Монгольской кампании, когда мы их отделади и заставили бояться даже смотреть в нашу сторону, они нас просто ненавидят. Ну и так, по мелочи, тоже желающих хватает. Возможно, мы вообще имеем дело с действиями сразу нескольких разведок. И, в связи с этим, у меня к вам предложение.

— Слушаю.

— Вам предлагается отомстить.

Вот тут ее бесстрастность разлетелась на тысячу кусков — и мгновенно собралась вновь, однако эмоции были, что называется, налицо. Просто замечательно.

— Что я должна делать?

— Это считать согласием?

— Да.

— Замечательно. Итак, вы знаете, что корабль стартует через три месяца. Наверняка наши... гм... братья меньшие попытаются внедрить в экипаж своего агента, а может, даже

и не одного. Не факт, что получится, ну а вдруг? Поэтому с экспедицией пойдет и наш сотрудник... Замаскированный под одного из специалистов, естественно. И мы хотим, чтобы кроме него оказался кто-то, на кого мы сможем положиться. Желательно, в пилотском кресле.

— Вы так во мне уверены? — вот он, сарказм. Компьютер исчез, остался человек, и это радует.

— Да. Я же сказал — ваша семья умеет ненавидеть...

— Понятно. Вы считаете... внедрят своего или кого-нибудь из наших, завербованных?

— Честно, не знаю. Первый вариант надежнее, второй проще. Скромному человеку известность ни к чему. Такой предпочитает брать деньгами. И, к сожалению, найти таких скромняк можно всегда, вопрос в цене.

— Хорошо, я поняла. Мои дальнейшие действия?

— Идите домой, отдохните, подумайте еще раз. Если по-прежнему останетесь согласны, жду вас здесь завтра, в это же время.

Примерно через месяц. Западная Сибирь

Костюм сидел на Басове, как седло на корове. Ну не вбить человека, привыкшего к полевой одежде, в дорожную сбрую, но, увы, дресскод не позволял ходить в привычных свитере и джинсах. Ты теперь профессор — вот и соответствуй...

Он, конечно, пытался фрондировать, был вызван на ковер и имел серьезный разговор. Откровенно говоря, можно было и послать ректора

куда подальше, в конце концов, университет заинтересован в нем сильнее, чем он в университете, но зарываться из-за пустяков не хотелось. В разговоре с начальством важно аргументировано согласиться, что ты не прав, истина старая, но действующая, так что смири гордыню — и носи то, что положено. Мало ли, как жизнь сложится, и наживать лишних врагов глупо.

Откровенно говоря, Басов не понимал, на кой ему вообще сдалось это преподавание. Больших денег на нем не заработаешь, а времени и сил уходит море. И нервов — хотя бы даже из-за необходимости таскать этот дурацкий костюм. На основной работе всем было наплевать, во что он одет, а заработки позволяли жить безбедно, но все же хотелось чего-то еще. Для души, что ли. Летом все просто, ушел в очередную экспедицию — и все, зимой же становилось откровенно скучно. Он и диссертацию защитил больше от скуки.

Автомобиль приветливо моргнул габаритными огнями и принял хозяина в свое уютное нутро. Здоровенная японская бандура, под две тонны стали и с двигателем почти в полтысячи кобыл. Эти brutальные монстры переживали сейчас ренессанс и практически не отличались внешне от предшественников почти вековой давности. Начинка, разумеется, другая, а вот дизайн прежний, да и управление тоже — не прижились в России автопилоты.

Сочно рыкнул мотор — имитация, конечно, при желании электродвигатель может работать почти бесшумно, но все равно приятно. Выезжая со двора, Басов резко выкрутил руль и газанул, покрышки взвизгнули — ничего страшного, все